

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (10)

2014

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014

© Журнал «Поволжская археология», 2014

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014

© Mari State University, 2014

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции Евгению Петровичу Казакову – 80 лет!.....6

FINNO-UGRICA

Руденко К.А. Проблемы средневековой археологии
Среднего Поволжья и исследованиях Е.П. Казакова.....10

Шитлов А.В. История изучения памятников эпохи неолита
Икско-Бельского междуречья30

Казаков Е.П., Лыганов А.В. Итоги изучения Измерского XVII
могильника43

Иванов В.А. Финно-угорская тематика в современной
археологии Башкортостана58

Мартьянов В.Н., Егошин А.Л. Могильник Стёксово II82

Акилбаев А.В. Историография проблемы этнокультурных
и торговых связей населения Ветлужско-Вятского
междуречья в IX – начале XII вв.97

Статьи

Очир-Горяева М.А. Культура кочевников Нижнего Поволжья
скифского времени: общее и особенное.....106

Егоров А.В. Булгарские материалы городища Иднакар:
к вопросу о тюркоязычном компоненте населения132

Орфинская О.В., Лантратова О.Б. Золототканая шаль
Золотой Орды146

Мухаметшин Д.Г. Г.В. Юсупов и проблемы татарской эпиграфики.....154

Смирнов А.С. Неизвестная статья С.П. Покровского
в архиве В.А. Городцова.....178

Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Василий Алексеевич Городцов
и Казань: поездка 1920 года.....186

Заметки

Обухов Ю.Д. Об одном фрагменте металлического сосуда
с Болгарского городища и его аналогиях с Северного Кавказа.....203

Критика и библиография

Косменко М.Г. Рец.: Е.П. Казаков. Памятники эпохи камня в Закамье (археологический очерк). Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань, 2011 – 180 с.....208

Хроника

Ситдииков А.Г., Абдуллин Х.М. IV (XX) Всероссийский археологический съезд в Казани217

Хузин Ф.Ш. Защита докторских и кандидатских диссертаций по археологии в Институте истории им. Ш. Марджани в 2014 году235

Хамидуллина С.Г. Вспоминая отца... (к 100-летию со дня рождения Г.В. Юсупова).....241

Зеленев Ю.А., Зеленцова О.В. Владимиру Николаевичу Мартьянову – 80 лет!249

Королев А.И. К юбилею Александра Алексеевича Выборнова.....254

Список сокращений261

Правила для авторов266

Авторский указатель за 2012 г.....271

Авторский указатель за 2013 г.....276

Авторский указатель за 2014 г.....286

CONTENTS

From the Editorial Board Eugene P. Kazakov – 80 years old!6

FINNO-UGRICA

Rudenko K.A. Issues of medieval archaeology of the Middle Volga region
in E.P. Kazakov's researches.....10

Shipilov A.V. History of research of the Eneolithic sites of the Ik
and Belaya Rivers interfluvium area.30

Kazakov E.P., Lyganov A.V. The results of investigation of the
XVII Izmeri burial ground.....43

Ivanov V.A. Finno-Ugric themes in contemporary archaeology
of Bashkortostan.58

Mart'yanov V.N., A.L. Egoshin A.L. The Steksovo II burial ground.....82

Akilbaev A.V. Investigations of the Mari archaeological expedition
on the Vetluga river within the Nizhniy Novgorod area 1957-2009.....97

ARTICLES

Ochir-Goryaeva M.A. Culture of the nomads on the Lower Volga
during the Scythian time: general and especial.106

Egorov A.V. Materials of the Bulgars from the Idnakar hill-fort:
to the issue of the Turkic component in the population.....132

Orfinskaya O.V., Lantratova O.B. The shawl, woven with gold
from the Golden Horde.....146

Mukhametshin D.G. G.V. Yusupov and issues of the Tatar epigraphy.....154

Smirnov A.S. Unknown article by S.P. Pokrovsky at the
V.A. Gorodtsov's archive.178

Kuzminykh S.V., Belozeroval I.V. V.A. Gorodtsov and Kazan: tour 1920.....186

NOTES

Obukhov Yu. D. Concerning a fragment of metal vessel from
the Bolgar settlement.203

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Kosmenko M.G. Review of the book: E.P. Kazakov. Stone Age monuments in the trans-Kama River area (Archaeological essay). Kazan: Foliant Publ., 2011, 180 p. Archaeology of the Volga region and the Urals. Proceedings and Researches, issue 1.....208

CRONICLE

Sitdikov A.G., Abdullin Kh.M. The IV(XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan.217

Khuzin F.Sh. Defending of the dissertations in Archaeology for a Doctor and Candidate Degree at the Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences in 2014.235

Khamidullina S.G. Remembering Father...(to the 100th Anniversary of G.V. Yusupov).....241

Zeleneev Yu.A., Zelentsova O.V. 80th Anniversary of Vladimir Nikolaevich Martyanov247

Korolev A.I. For the Anniversary of Alexander A. Vybornov.252

List of abbreviations261

Rules for authors266

Author index for 2012.....273

Author index for 2013.....281

Author index for 2014.....290

УДК 902

ФИННО-УГОРСКАЯ ТЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ БАШКОРТОСТАНА¹

© 2014 г. В.А. Иванов

Рассматривается история разработки финно-угорской тематики в археологии Башкортостана с середины XX в. до настоящего времени. Раскрывается динамика ее развития — от приоритетного направления в 1950-е – 1970-е годы XX в. до второстепенного – в начале XXI в. Историографический обзор литературы и архивные материалы показывают, что планомерные археологические исследования на территории Башкирской АССР в 1950-х гг. начинались на памятниках, изначально интерпретировавшихся как финно-угорские. Выделенная в этот период Н.А. Мажитовым бахмутинская культура раннего средневековья связывалась им с древними уграми-мадьярами, а кара-абызская культура раннего железного века, выделенная А.Х. Пшеничнюком, была отнесена им к финно-уграм. Таким образом, к концу 1960-х гг. финно-угорская этнокультурная доминанта в эпоху раннего железного века – средневековья считалась общепризнанной. В середине 1970-х гг. Н.А. Мажитов выдвинул концепцию о ранней (уже в середине I тыс. н.э.) тюркизации Южного Урала. Соответственно, все культуры I тыс.н.э. объявились им как древнебашкирские. С этого времени и по сей день между Н.А. Мажитовым и автором данной статьи не прекращается дискуссия о роли финнов и угров в формировании этнической карты региона. Автор делает вывод, что в результате этой дискуссии угас интерес уфимских археологов к финно-угорской тематике, которая сейчас занимает второстепенное место в археологии Башкортостана. Наряду с этим повысился интерес к истории и археологии ранних и средневековых кочевников.

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, ранний железный век, раннее средневековье, финно-пермяки, угры, ананьинская культура, кара-абызская культура, бахмутинская культура, башкиры, этногенез.

Территория современного Башкортостана с испокон веков являлась (по крайней мере, в ее лесных и лесостепных районах) неотъемлемой частью «ойкумены» финно-пермских и угорских народов. Особенно это касается эпохи т.н. «поздней древности» (ранний железный век) и раннего средневековья (до начала II тыс. н.э.). Поэтому представляется вполне естественным и логичным то обстоятельство, что первые масштабные научные изыскания в области археологии, на-

чатые еще в 1950-е годы сотрудниками ИИЯЛ БФ АН СССР (ныне Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН), имели отчетливо выраженную финно-угорскую направленность. Обусловлено это было самим характером и культурной принадлежностью памятников, первыми подвергшихся целенаправленному исследованию.

Начало планомерных археологических исследований на территории Башкирии связано с созданием в 1953 г. в составе Института истории,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект «Проблема "прародины" угров-мадьяр и угорский компонент археологических средневековых культур Предуралья». № 13-11-59007.

языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (БФ АН СССР создан в 1951 году и Башкирский институт истории, языка и литературы вошел в его состав) сектора истории, археологии и этнографии (Усманов, 1982, с. 17). Научным руководителем археологической группы была назначена старший научный сотрудник Института археологии АН СССР, доктор исторических наук А.В. Збруева. Она же одновременно возглавила и Башкирскую археологическую экспедицию ИА АН СССР. Члены археологической группы ИИЯЛ БФ АН СССР – к.и.н. Г.В. Юсупова, к.и.н. Т.Н. Троицкой и П.Ф. Ищерикова – включились в работу экспедиции в качестве руководителей отдельных отрядов Башкирской АЭ ИА АН СССР.

Очевидно, тогда же в ходе работ Г.В. Юсупова и Т.Н. Троицкой на городищах и поселениях эпохи раннего железного века в Гафурийском районе БАССР возникла идея о выделении этих исследований в особую научно-исследовательскую тему «Древнейшие поселения Гафурийского района», впервые прозвучавшую в отчете о научно-исследовательской работе сектора истории, археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР за 1955 год. В отчете, в частности, говорится о том, что «... В 1955 г. в связи с темой «Древнейшие поселения Гафурийского района» была проведена археологическая экспедиция в Гафурийском районе Башкирской АССР. Археологические раскопки дали обильный и ценный материал, позволяющий сделать весьма интересные выводы по истории племен и народностей, населявших Урал и Приуралье в середине I тыс. до н.э.» (Архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 133). Окон-

чательное оформление темы происходит в том же 1955 г. на заседании ученого совета ИИЯЛ БФ АН СССР 21 июня 1955 г. В докладе и.о. заведующего сектором истории, археологии и этнографии к.и.н. Р. Г. Кузеева «О плане научно-исследовательских работ сектора истории, археологии и этнографии на 1956 год» под № 5 была обозначена тема «Древнейшее население Гафурийского района» в объеме 3 п.л. Тема предусматривала изучение социально-экономического уклада, культурных и этнических связей древнего населения Башкирии. Срок завершения темы был определен первой половиной 1957 года. Исполнители темы – к.и.н. Г.В. Юсупов (он же руководитель) и к.и.н. Т.Н. Троицкая (Архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 143).

Раскопки памятников в Гафурийском районе БАССР продолжались до 1956 г. включительно. И в том же году Г.В. Юсуповым была подготовлена статья «Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР», в которой обобщались результаты раскопок. Большую часть статьи занимает описание материала по памятникам². В заключении же автор предлагает свое понимание «этнокультурного характера» исследованных памятников. Прежде всего, Г.В. Юсупов обратил внимание на элементы орнаментики сосудов с Касьяновского городища и селища Курман-Тау, восходящие, по его мнению, к орнаментике срубной, андроновской и абашевской культур бронзового века: кругло-ямочный, резной горизонтально-елочный и флажковый орнаменты. Подобные орнаментальные мотивы Г.В. Юсу-

² В 1959 году эта часть статьи была полностью опубликована (Юсупов, 1959).

пов прослеживает также на керамике стоянки им. М.И. Касьянова («Касьяновской»), исследованной в те же годы А.В. Збруевой. А сосуды с утолщенным венчиком и рифленным орнаментом по шейке возводит к сосудам селища Баланбаш, изученного К.В. Сальниковым. В итоге автор высказывает предположение о том, «что роль памятников типа стоянки им. Касьянова и селища Баланбаш в генезисе Уфимской культуры³ играли такую же роль, как и памятники типа Луговского могильника для ананьинской культуры» (Юсупов, 1956).

Другой важный момент, выделенный Г.В. Юсуповым, это проблема происхождения «уфимской» культуры. Здесь на первое место исследователь ставит типологическое сходство «ранней ананьинской (с Ананьинской дюны) керамики с керамикой культуры Курман-Тау, а также некоторые общие черты последующей стадии ананьинской культуры с культурой Уфимцев, которые, очевидно, указывают на некоторые общие этнические основы их формирования. Этой основой, как для ананьинской, так и для уфимских культур был срубно-андроновский, т.е. ирано-угорский этнический субстрат, получивший развитие на территории Башкирии в лице сармато-уфимских (угорских) культурно-этнических возлияний, вылившихся впоследствии в алано-бахмутинскую (мадьярскую) стадию».

Наконец, третий момент рассуждений автора – вероятная угорская этнокультурная принадлежность

носителей «уфимской» культуры («Уфимцев», у Г.В. Юсупова).

Присутствие на территории Башкирии «угорского мира» в I тыс. до н.э., по мнению автора, подтверждается неоднократными находками здесь восточного серебра, имевшего культовое значение у более поздних угров. В этом Г.В. Юсупов видит «полное основание оправдать предположение об **угорском характере уфимской культуры** (выделено мной. – *В.И.*), к нему, по-видимому, восходят своими корнями культуры I-го тысячелетия н.э. на территории Башкирии – Бахмутинская и культуры периода первых веков нашей эры, подобно тому, как пьяноборская и др. поздние культуры Прикамья являются детищами ананьинской культуры».

В определенной степени, по мнению Г.В. Юсупова, на угорский характер «уфимской» культуры указывает утверждение венгерского историка Б. Мункачи о скифо-сарматских корнях мадьярского (древне-венгерского) коневодства. Скорее всего, именно «уфимцы», – пишет Г.В. Юсупов, – были мостом-проводником элементов скифо-сарматской культуры в финно-угорскую среду».

И, наконец, в итоге своих размышлений Г.В. Юсупов отказывается от своего мнения о ранней (в I тыс. до н.э.) тюркизации населения Башкирии, высказанного им в 1952 г., и заключает, «что тюркизация произошла позднее – на последнем этапе существования алано-бахмутинских (мадьярских) племен» (Юсупов, 1956, с. 8 и сл.).

Как уже было отмечено выше, заключительная (аналитическая) часть статьи Г.В. Юсупова не была опубликована. Однако, исходя из своего ви-

³ Здесь Г.В. Юсупов впервые, применительно к городищам Гафурийского района, употребляет термин «Уфимская культура».

дения «характера» и этнокультурной принадлежности (угорской⁴) «уфимской» культуры, исследователь в опубликованном варианте своей работы отрицает этногенетическую связь этой культуры с ананьинской и настаивает на ее самобытности (Юсупов, 1959, с. 86 и сл.).

Так, впервые в истории археологии Южного Урала и Приуралья был вполне определенно поставлен вопрос о присутствии в I тыс. до н.э в этнической карте региона угорского компонента и обозначены пути и механизм его проникновения в регион.

В 1957 году в секторе истории, археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР начали работать Н.А. Мажитов, выпускник Пермского госуниверситета, и М.Х. Садыкова. И в том же году Президиум БФ АН СССР утвердил тематический план научно-исследовательских работ ИИЯЛ по данному сектору на 1958 год (22 августа 1957 года), в котором фигурирует тема «Древняя история Башкирии» сроком выполнения 1957–1960 гг., научным руководителем которой был назначен Г.В. Юсупов. В рамках данной темы были выделены две подтемы: «Сарматские памятники Башкирии IV в. до н.э. – IV в. н.э.», исполнителем которой назначена м.н.с. М.Х. Садыкова и «Городища по среднему течению р. Белой», исполнители – с.н.с. Г.В. Юсупов и м.н.с. Н.А. Мажитов (Архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 166).

Цель второй темы исполнители определяли исходя из наличия уже известных поселений «уфимской» культуры в Гафурийском районе и из

необходимости уточнения ее хронологических и географических границ, что «является важнейшей задачей в области исследования древней истории Башкирии в I тыс. до н.э.». Основную цель своих дальнейших исследований авторы видели в раскрытии характера данной культуры в первую очередь в вопросах этногонии древних насельников Приуралья. В итоге также предполагалось написание монографии объемом 4 п.л., состоящей из 4-х глав: 1 – Описание городищ; 2 – хозяйство и быт насельников; 3 – Общество. Характер общественных отношений; 4 – Идеология. Вопросы религиозных верований. В «Заключении» предполагалось осветить вопросы генезиса «уфимской» культуры (там же).

Результаты работ уже первого года разработки темы (1957 год) позволили исследователям сделать определенные выводы относительно этнокультурных процессов, происходивших на территории Башкирии в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Так, Н.А. Мажитов, проводивший в 1957 г. разведки и раскопки в Бураевском и Балтачевском районах БАССР, на основании полученных материалов (Чиатавский могильник, Юмакаевское, Афанасьевское, Кансиарское, Ардашевское, Тазларовское городища, Тугубаевское, Новокарское селища) сделал вывод, во-первых, о принадлежности Чиатавского могильника к пьяноборской культуре и соответственно «о существовании на территории Башкирии (в центральных, северо-западных и северных районах) в рассматриваемое время древних **угро-финских племен** (выделено мной. – В.И.). Может быть, некоторое своеобразие археологических памятников Башкирии, которое очень хорошо видно на

⁴ Г.В. Юсупов использует еще одно интересное определение – «сармато-уфимское культурно-этническое возлияние».

материале городищ, говорит о некоторых локальных особенностях в их языке и на основании этого можно видеть в них предков, по крайней мере, одной из групп предков современных угорских народов» (Мажитов, 1958). Во-вторых, новые полученные материалы, свидетельствующие о генетических связях бахмутинской культуры с культурой памятников типа Чиатавского и Уфимского могильников, указывают, по мнению исследователя, на автохтонный характер бахмутинской культуры. В-третьих, Н.А. Мажитов присоединяется к мнению Р.Г. Кузеева о позднем, не ранее середины I тыс. н.э. или даже позже, приходе древнебашкирских племен на север Башкирии (там же).

На рубеже 50 – 60-х годов прошлого столетия целенаправленные исследования памятников древних финноугров Приуралья начинают вестись по двум направлениям. Н.А. Мажитов концентрирует свое внимание на памятниках бахмутинской культуры. В 1958–1960 и 1962 гг. он проводит раскопки Бирского II могильника, где в общей сложности было исследовано более 200 погребений, «давших очень богатый материал по истории бахмутинских племен» (Мажитов, 1968, с. 6). В 1959 году исследует Каратамакский могильник на р. Быстрый Танып в Бураевском районе БАССР (19 погребений). По инвентарю (наличие в погребениях жертвенных комплексов и височных подвесок «бахмутинского типа», а также отсутствие глиняных сосудов) и «обрядовым особенностям захоронений» исследователь относит Каратамакский могильник к типичным памятникам раннего этапа бахмутинской культуры (там же, с. 19–21).

В 1961 году начальник отряда археологической экспедиции ИИЯЛ БФ АН СССР и лаборант этого отряда Н.А. Мажитов и А.Х. Пшеничнюк исследуют Камышлы-Тамакский могильник в Бакалинском районе БАССР. На вскрытой площади было обнаружено 101 погребение: женские, мужские и детские. Анализируя погребальный обряд и вещевой материал памятника, авторы однозначно связывают его с могильниками пьяноборской культуры со Средней Камы (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, с. 51 и сл.).

В 1962–1963 гг. А.Х. Пшеничнюк исследует Биктимировский могильник в Бирском районе БАССР, обнаруженный еще в 1955 г. краеведом А.П. Шокуровым. В двух раскопах общей площадью 522 кв. м было обнаружено 47 погребений с довольно богатыми наборами вещей. По аналогиям этим вещам в погребениях прохоровской культуры – бронзовые наконечники стрел, железный меч, пряжки, дисковидные бляхи, изготовленные из сарматских зеркал, височные кольца и бусы – дату могильника А.Х. Пшеничнюк определяет в пределах III–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1964, с. 226).

Типологически близким Биктимировскому могильнику исследователь называет Новый Уфимский могильник на южной окраине г. Уфы, на котором к рассматриваемому времени в разные годы было археологически исследовано 27 погребений (Археологическая карта, 1977, с. 122 и сл.). Причем настолько близким, что, как пишет А.Х. Пшеничнюк, «принадлежность Нового Уфимского и Биктимировского могильников к одной археологической культуре не вызы-

вает сомнения» (Пшеничнюк, 1964, с. 229).

Одновременно с исследованиями Биктимировского могильника А.Х. Пшеничнюк проводит рекогносцировочные раскопки на поселениях Воронки и Дудкино I (на территории г. Уфы) и городище Аташ (Охлебининское II) в устье р. Сим. Как указывает сам исследователь, раскопки эти производились им в контексте решения проблемы культурной принадлежности «кара-абызских памятников», базировавшейся на отсутствии четких морфологических параметров кара-абызской культуры (Пшеничнюк, 1964а, с. 93). В керамической коллекции, собранной на указанных памятниках, были выделены 445 сосудов, которые исследователь разделил на три типологических группы: кара-абызскую, ананьинскую и «сарматоидную».

Что же касается культурной принадлежности рассматриваемых памятников, то, опираясь на результаты сопоставления погребального обряда, набора сопровождающих вещей Биктимировского могильника и могильников пьяноборской культуры Прикамья, А. Х. Пшеничнюк выявляет «весьма существенные различия между ними» и приходит к однозначному выводу о выделении кара-абызских памятников в самостоятельную культуру. Причем особое внимание он обращает на предметы, своеобразные и не повторяющиеся ни в какой другой археологической культуре: поясные ремни, покрытые бронзовыми накладками с изображением голов лошадей и дисковидными бляхами или подпрямоугольными пряжками на концах, нагрудные украшения – «портупей» – с гофрированными обойма-

ми и круглыми бляшками, гладкие прямоугольные обоймы, украшавшие подол верхней одежды (Пшеничнюк, 1964, с. 230 и сл.).

Суммируя материал семи могильников кара-абызской культуры, выявленных на территории Башкирии к середине 60-х годов⁵, в 1964 г. на IV Уральском Археологическом совещании в г. Перми А.Х. Пшеничнюк выступает с докладом «О периодизации кара-абызских памятников», опубликованным затем в виде статьи. Основная идея автора – выделение трех хронологических групп кара-абызских погребений, соответствующих «определенным этапам жизни кара-абызских племен: 1) V–IV вв. до н.э.; 2) IV–II вв. до н.э.; 3) II в. до н.э. – I в. н.э.» (Пшеничнюк, 1967, с. 158).

Сопоставляя материалы первого этапа кара-абызских памятников с ананьинскими, между которыми, по мнению автора, не обнаруживается существенных различий, А.Х. Пшеничнюк предлагает ранние кара-абызские памятники первого этапа относить к ананьинской культуре. Что касается второго и третьего этапов, то они выделены в самостоятельную кара-абызскую культуру, т.к. большие различия в материалах кара-абызских и пьяноборских могильников не позволяют кара-абызские памятники этих этапов причислять к пьяноборской культуре. Видимо, как считает исследователь, в IV–III вв. до н.э. единая ананьинская культурная общность распадается на ряд самостоятельных культур: пьяноборскую в Нижнем Прикамье, гляденовскую в Среднем Прикамье и кара-

⁵ Уфимский, по ул. Трактовой в г.Уфе, Новый Уфимский, Галановский, Биктимировские I–III (всего 146 погребений).

абызскую в среднем течении р. Белая (там же, с. 169).

Одновременно начинаются исследования Шиповского курганно-грунтового могильника, расположенного от Охлебининского в 12-ти км ниже по течению р. Белой. Они продолжались на протяжении трех полевых сезонов начиная с 1965 г.⁶ На памятнике тогда были выявлены две группы погребений: подкурганые (вскрыто 7 курганов с 25 погребениями) и грунтовые (77 погребений). Первые исследователь датировал IV–III вв. до н.э., вторые – I–II вв. н.э. (Пшеничнюк, 1968, с. 107 и сл.).

Собранные в 1962–1967 годах А.Х. Пшеничнюком материалы вылились в кандидатскую диссертацию на тему «Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (кара-абызская культура)», защищенную в Ученом совете секции археологии и этнографии исторического факультета МГУ в 1968 г.

Источниковую базу диссертации составили материалы 8 могильников (в общей сложности 338 погребений), из которых 5 были исследованы самим автором, и 15 поселений, из которых на 6-ти А.Х. Пшеничнюк проводил раскопки. По сути, на защиту выдвигалась история кара-абызских племен, поскольку своей задачей автор ставил «дать всестороннюю характеристику материальной культуры кара-абызских памятников, показать их своеобразие, уточнить хронологию и периодизацию и на этой основе по-

⁶ Они продолжались и позже, но в контексте темы нашей статьи мы упоминаем только первые три сезона раскопок. Полностью материал раскопок Шиповского могильника был автором опубликован в 1976 г. (Пшеничнюк, 1976).

пытаться проследить историю развития кара-абызских племен, их происхождение, хозяйство, этнокультурную принадлежность, связи с соседними племенами». Соответственно была построена и структура работы, состоящей из 5 глав: I. Могильники и их периодизация; II. Поселения; III. Хозяйство и общественный строй; IV. Происхождение и развитие кара-абызской культуры; V. К вопросу о культурной и этнической принадлежности кара-абызских памятников (Пшеничнюк, 1968 а).

Содержание первой главы диссертации в основном составляет периодизация кара-абызской культуры, во второй главе автор дает характеристику кара-абызских поселений, выделяя такие их специфические черты, как большие площади, мощный культурный слой с зольными прослойками, богато насыщенный керамикой и костями животных. Но в основном она посвящена типологии керамики, среди которой А.Х. Пшеничнюк выделяет 4 группы или комплекса: собственно кара-абызскую, позднеананьинскую, гафурийскую и убаларскую. Первые две из перечисленных групп автор трактует как результат прямого развития ананьинской керамики, а появление на поселениях гафурийской и убаларской керамики объясняет культурными и этническими контактами кара-абызцев с «гафурийско-убаларскими племенами».

Рассматривая вопрос о происхождении кара-абызской культуры (глава IV), А.Х. Пшеничнюк доказывает, что она формировалась на базе двух компонентов: местного (бельский вариант ананьинской культуры) и пришлого (гафурийские племена), при ведущей роли ананьинского населе-

ния. Толчком к этому процессу явился распад в IV–III вв. до н.э. единой ананьинской культуры, вследствие чего в устье р. Белой формируется пьяноборская культура, в Верхнем Прикамье – гляденовская, по правобережью Средней Белой – кара-абызская. На последнюю в указанное время сильное влияние оказали пришлые из Зауралья или Северного Казахстана племена («гафурийцы»), что наглядно иллюстрируется материалом ранних погребений Шиповского могильника.

Пятая глава диссертации посвящена обоснованию самостоятельности кара-абызской культуры. Здесь А.Х. Пшеничнюк на первое место ставит археологически фиксируемые различия в ассортименте вещевого инвентаря из погребений и в погребальном обряде (в кара-абызских погребениях, в отличие от пьяноборских, часто встречаются кости животных и глиняные сосуды) и размерах могильных ям. Выявленные различия пьяноборской и кара-абызской культур автору представляются достаточно существенными для того, чтобы рассматривать их как самостоятельные культуры, вместе с гляденовской составлявшие единую камскую культурную общность.

В заключении своего исследования А.Х. Пшеничнюк предлагает свою интерпретацию этнической принадлежности носителей кара-абызской культуры. Суть его построения заключается в следующем: поскольку общепринято считать, что племена ананьинской культуры легли в основу формирования позднейших финно-пермских народов, следовательно «ананьинцы» говорили на пермских языках финно-угорской языковой общности. Видимо, не являлись ис-

ключением и племена бельского варианта ананьинской культуры. Пришлые гафурийские племена являлись, скорее всего, угорскими. На это, в частности, указывает типологическое сходство гафурийской керамики с керамикой зауральской гороховской культуры (угорской, по К.В. Сальникову), а также нахождение в ряде погребений Охлебнинского могильника костей зайца и птицы – основных персонажей в мифологии обских угров. Отсюда следует закономерный вывод о том, что «население же кара-абызской культуры было смешанным: основу его составляли финно-пермские племена, потомки ананьинцев, значителен был компонент пришлого, вероятно, угорского населения».

В 1973 г. диссертация А.Х. Пшеничнюка была опубликована в виде монографической статьи, тем самым завершился начальный этап целенаправленного изучения финно-угорской археологии в Южном Приуралье (Пшеничнюк, 1973).

Одним из вопросов, поднимаемых А.Х. Пшеничнюком в диссертации, был вопрос об исторических судьбах носителей кара-абызской культуры. В более узком смысле – вопрос о генетической преемственности кара-абызских и следующих за ними по времени бахмутинских племен. В решении этого вопроса исследователь полемизирует с Н.А. Мажитовым, исследовавшим в начале 1960-х годов памятники бахмутинской культуры и в 1963 году защитившим диссертацию на данную тему (Мажитов, 1963).

Источниковую базу его работы составили 205 погребений Бирского II могильника (1958–1960 и 1962 гг.), 19 погребений Каратамакского могильника (1959 г.), 14 по-

гребений Бахмутинского могильника (1960 г.) (Мажитов, 1968, с. 10, 19, 21). Основным вопросом, интересовавшим Н.А. Мажитова, являлся вопрос о происхождении бахмутинской культуры. Совершенно логично, что к его решению исследователь подходит через призму генетической связи ранних бахмутинских памятников с предшествующими пьяноборскими. К последним Н.А. Мажитов относит и памятники конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. в Центральной Башкирии, включая и I–III Уфимские могильники, отнесенные А.Х. Пшеничнюком к кара-абызской культуре (там же, с. 53 и сл.). Исследователь не соглашается с такой интерпретацией «бельских» памятников, считая, что, во-первых, хронологические различия между «бельскими» (кара-абызскими) могильниками и пьяноборскими могильниками Прикамья (последние – позже) дают основания «совсем иначе смотреть на вопрос об их этнокультурной принадлежности»; во-вторых, специфические (по А.Х. Пшеничнюку) элементы материальной культуры «бельских» племен – зооморфные подвески и поясные накладки – являются результатом культурного влияния сарматов на население бассейна р. Белой; в-третьих, все остальные признаки погребального обряда «бельских» племен мало чем отличаются от ананьинских и пьяноборских памятников Прикамья и Башкирии. Все это, как считает Н.А. Мажитов, дает основание считать, «что бельские могильники отражают главным образом переходный период от ананьинской культуры к пьяноборской» и соответственно бельские памятники III–II вв. до н.э. «лучше всего назвать ранним этапом (кара-абызским) еди-

ной пьяноборской культуры, а бельские памятники как раньше, так и позднее

(II в. до н.э. – I в. н.э.), рассматривать в качестве одного из ее локальных вариантов» (там же, с. 55 и сл.).

Соответственно, по мнению Н.А. Мажитова, территория пьяноборской культуры «не ограничивалась только Средней Камой, небольшим районом вокруг устья р. Белой, а охватывала всю Северную Башкирию до широты среднего течения р. Белой (отрезок Уфа – Стерлитамак)». А это заключение напрямую подводит к проблеме генетической преемственности пьяноборских и раннебахмутинских памятников. Эту преемственность исследователь прослеживает в погребальном обряде пьяноборских и раннебахмутинских могильников (в число первых он включает и Охлебининский могильник), типах украшений (серьги-подвески, поясные накладки, бляхи-зеркала) и типах орнамента керамики (круглодонные открытые чаши и широкогорлые сосуды, украшенные оттисками круглых ямок).

Через призму генетической связи пьяноборско-кара-абызских (по Н.А. Мажитову) и раннебахмутинских племен решает исследователь и проблему этнической принадлежности носителей бахмутинской культуры. Здесь особое внимание обращают на себя два аспекта: финно-угорская принадлежность «пьяноборско-кара-абызских» племен и этнокультурная близость «бахмутинцев» с древними мадьярами-венграми. Первый аспект Н.А. Мажитов рассматривает традиционно, считая, что носители ананьинско-пьяноборской культуры «являются древнейшими предками

современных народов коми, удмуртов, входивших в пермскую группу финно-угорской языковой системы». Правда, этот тезис исследователь дополняет рассуждением о том, что территория Башкирии являлась одним из основных центров пьяноборской культуры, носители которой, в свою очередь, в языковом отношении представляли собой смешанное образование, в котором наряду с основными финно-пермскими могли находиться племена, говорившие на древнем угорском языке. В этих угрозязычных племенах он видит носителей карабызско-пьяноборской культуры (там же, с. 82 и сл.).

Генетическая связь последних с носителями бахмутинской культуры предполагает угрозязычность и «бахмутинцев». Сходство культуры бахмутинских племен с культурой угров Западной Сибири и древних венгров – зооморфные подвески, наборные пояса с подвесками – верхняя дата бахмутинской культуры (рубеж VII–VIII вв.) и территориальное совпадение «с легендарной страной «Великая Венгрия», по мнению Н.А. Мажитова, не могут быть случайными и свидетельствуют об этнической общности «бахмутинцев» с древними венграми (там же, с. 78).

Таким образом, к концу 60-х годов XX столетия в южноуральской археологии, благодаря работам А.Х. Пшеничнюка и Н.А. Мажитова, Башкирское Приуралье в его лесной части совершенно определенно выступает как часть ареала финно-угорских племен, непрерывно занимавших данную территорию в течение тысячелетия – с середины I тыс. до н.э. до рубежа VII–VIII вв. н.э.

После работ А.Х. Пшеничнюка и Н.А. Мажитова до середины 1970-х годов тема археологии оседлых племен Приуралья эпохи раннего железного века археологами ИИЯЛ БФ АН СССР практически не разрабатывалась, хотя новый материал поступал и частично публиковался (Пшеничнюк, 1976). Но в 1973 г. младший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Б.Б. Агеев поступает в аспирантуру ИА АН СССР с темой «Пьяноборская культура». В статьях, подготовленных и опубликованных за время обучения в аспирантуре, исследователь основное внимание обращал на проблему реконструкции социальной структуры пьяноборского общества и хронологии пьяноборских могильников (Агеев, 1976; 1976а; 1979; 1981).

Материалы и выводы указанных статей легли в основу кандидатской диссертации Б.Б. Агеева на тему «Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя)», защищенной в ИА АН СССР в 1983 году (Агеев, 1983).

Она была опубликована в виде монографии в 1992 году под тем же названием. Структура ее была полностью сохранена, но четыре главы диссертации были дополнены пятой главой, посвященной происхождению и исторической судьбе пьяноборской культуры. Данную проблему автор решает в контексте дальнейшего развития точки зрения В.Ф. Генинга о генетической преемственности ананьинской и пьяноборской культур. Одним из весомых доводов в пользу этой преемственности Б.Б. Агеев считает наличие в низовьях р. Белой городищ с ананьинско-пья-

ноборскими культурными слоями – Зуево-Ключевского I, Нырғында II, Юлдашевского, Какры-Куль, Уяндыкского, Аначевского и Серенькино, расположенных в непосредственной близости от ранних пьяноборских могильников – Уяндыкского I, Кушулевского III, Юлдашевского. Эти данные и отсутствие в низовьях Камы могильников IV–III вв. до н.э. свидетельствуют, по мнению автора, о том, «что пьяноборская культура не имеет истоков на Нижней Каме и вряд ли можно говорить о преемственности пьяноборья и нижнекамского варианта ананьина» (Агеев, 1992, с. 104).

Одним из основных компонентов в сложении пьяноборской культуры Б.Б. Агеев считал раннекара-абызское население центральной Башкирии. На это указывают материалы поселений (керамика, орнаментированная ямками) и типы бронзовых украшений: кольцевые и восьмеркообразные височные подвески, подвески со спиральными трубицами, гривны, браслеты и различные бляшки. Развивая точку зрения А.Х. Пшеничнюка о генезисе кара-абызской культуры как о результате синтеза ананьинских племен средней Белой и пришлых племен – носителей керамики гафурийского типа – Б.Б. Агеев считает, что «часть местного населения, не участвовавшего в формировании кара-абызской культуры и оттесненного к северу, послужила основой пьяноборской культуры». Причем основой решающей (там же, с. 105 и сл.).

Дальнейшая историческая судьба пьяноборской культуры, по мнению автора, была связана с появлением в Приуралье в IV в. н.э. значительной группы пришлого населения, оставившего курганные могильники Бродов-

ского, Верх-Саинского, Харинского типа, которое расчленило пьяноборский союз племен на две части. Часть пьяноборского населения мигрировала в Волго-Вятское междуречье и создало там памятники азелинской культуры. В Прикамье в результате этнокультурного взаимодействия пьяноборских и кара-абызских племен складывается мазунинская культура (там же, с. 108).

Примерно в то же самое время автор этих строк, поступивший на работу в сектор археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР в 1976 г., проводит исследования памятников курмантауской и ананьинской культур. В 1976 г. мною было опубликовано несколько статей, в которых рассматривается проблема генетической связи ананьинской культуры с курмантауской, пересматривается хронология курмантауских памятников на основании новых материалов с опорного памятника этой культуры – стоянки им. М. Касьянова, исследования которой были возобновлены И.Б. Васильевым в 1975–1976 гг., выдвинута своя версия формирования кара-абызской культуры как следствие миграции в среднее течение р. Белой племен нижнекамского варианта ананьинской общности (Иванов, 1976; 1976а; 1977).

Эти статьи также легли в основу кандидатской диссертации автора на тему «Население Нижней и Средней реки Белой в ананьинскую эпоху», защищенной в ИА АН СССР в декабре 1978 г. Основная цель исследования – выделить, с применением современных методов обработки материала, в бассейне р. Белой памятники ананьинской общности и выяснить как механизм их генезиса, так и характер

контактов их создателей с соседними синхронными этнокультурными образованиями. Автор ставит перед собой задачи: 1) анализ керамики с поселений бассейна р. Белой предананьинского и ананьинского времени; 2) очертить хронологические, территориальные и морфологические границы «бельского варианта ананьинской культуры»; 3) методом сопоставлений выяснить роль населения соседних районов Волго-Камья в формировании этнической карты лесной полосы Башкирского Приуралья (Иванов, 1978).

1980–1990-е годы в башкирской археологии были временем последовательного «размывания» финно-угорской проблематики в трудах Н.А. Мажитова и противостояния этому процессу со стороны автора данной статьи. Концепция ранней (начиная с середины I тыс. н.э.) тюркизации Южноуральского региона (читай: формирования здесь древнебашкирского этноса) сложилась у Н.А. Мажитова уже к середине 1970-х годов, поэтому все его работы последующих лет подчинены обоснованию тюркской (древнебашкирской) этнической принадлежности археологических культур Южного Урала эпохи средневековья – турбаслинской, кушнаренковской, караякуповской. В своем законченном и в последующем неизменном виде это концепция была изложена автором в монографии, вышедшей в 1977 г. Суммируя взгляды коллег на проблему формирования этнического состава населения Южного Урала, он выделяет «одну общую линию», заключающуюся в том, что «разноязычные и разнокультурные племена Южного Урала V–VIII вв. составили субстрат, на базе

которого в следующих веках шел процесс этнической консолидации башкир» (Мажитов, 1977, с. 175 и сл.)⁷. Именно этот тезис, который на тогдашнем уровне развития археологии в равной степени трудно было как подтвердить, так и опровергнуть, явился объектом корректировок со стороны автора монографии. Свои критические инновации Н.А. Мажитов строит на двух, не связанных между собой, посылах: единстве башкирского языка, свидетельствующем, по его мнению, об этнической монолитности населения региона в конце I и начале II тыс. н.э., и предлагаемой им новой датировке археологических памятников и культур Южного Урала эпохи средневековья.

Местными для Южного Урала автор считает две культуры эпохи средневековья: бахмутинскую (под которой он подразумевает и выделенную В.Ф. Генингом мазунинскую культуру в Прикамье), сложившуюся, по его мнению, «как результат смешения местных пьяноборско-кара-абызских племен **финно-угорского происхождения** (выделено мной. – В.И.) с пришельцами из степей Южной Сибири. В последних В.А. Могильников склонен видеть тюрков-угров» (там же, с. 178); и турбаслинскую, в которой «роль местной подосновы сыграли кочевые племена южноуральских степей». В этническом отношении носители последней представляются автору потомками саков-усуней,

⁷ Тезис, который сейчас «красной нитью» проходит через содержание I тома «Истории башкирского народа»: кто бы и когда бы ни жил на территории современного Башкортостана в эпоху древности, все они так или иначе «наследили» в башкирском этногенезе.

господствовавших в южных степях в эпоху ранних кочевников. На этом основании строится предположение Н.А. Мажитова о тюркоязычности всего турбаслинского населения. Что касается этнической принадлежности «турбаслинцев», то автору представляется «весьма привлекательной» идея В.Ф. Генинга «о возможном прямом отношении их к буртасам» (там же, с. 179).

К числу пришлых этнических групп в Западном Приуралье в VII–VIII вв. Н.А. Мажитов относит носителей керамики кушнаренковской и кара-якуповской групп, считая их пришельцами из южносибирских степей, входящими вместе с носителями бакальской культуры Западной Сибири в одну этнокультурную общность (там же, с. 179 и сл.).

Далее следует специфический, хотя уже и для того времени достаточно наивный пассаж, имеющий цель подвести читателя к конечному выводу о том, «что кушнаренковско-кара-якуповским племенам принадлежала решающая роль в формировании древнебашкирского этноса на Южном Урале» (там же, с. 183): памятники кара-якуповской культуры – курганы Ямаши-Тау, I и II Бекешевские, Лагереvские, могильники Чишминский и Больше-Тиганский, датированные им IX–X вв., Н.А. Мажитов на основании многочисленных находок в погребениях поясных наборов «тюркских типов» вначале (в виде допущения) связывает их с тюрками, изображенными на каменных статуях, а затем доказывает и до него никем не оспариваемое их родство с памятниками кушнаренковско-кара-якуповского типа VII–VIII вв. Из чего делает вывод о том, что «кушнаренковцы» и «кара-яку-

повцы» – тоже тюрки (башкиры) (там же, с. 181).

В вопросе о месте и роли древнемадьярского компонента в этнической карте Южного Урала и Приуралья эпохи средневековья автор уже солидарен с позицией Р.Г. Кузеева⁸, отказываясь от своего раннего предположения «о возможных связях бахмутинцев с древними мадьярами» (там же, с. 183).

В сжатом и более «археологизированном» виде концепция этнокультурной истории Южного Урала изложена Н.А. Мажитовым в статьях, вошедших в том «Степи Евразии в эпоху средневековья» (М., 1981) многоотомной серии «Археология СССР». Следуя заданной редколлекцией серии схеме, автор основное внимание уделяет описанию археологических культур, относительно их этнической принадлежности ограничиваясь лишь краткими ремарками. Причем по поводу их этнической интерпретации Н.А. Мажитов в данном случае предельно осторожен и высказывается в основном в предположительном плане: **«Турбаслинская культура появилась внезапно, не имея почти никаких преемственных связей с культурой местного населения предшествующего времени. Первоначальная область расселения ее носителей до прихода сюда пока спорна (выделено мной. – В.И.).** Есть основания предполагать, что в формировании турбаслинской культуры активное участие принимали потомки кочевых племен более раннего времени, обитавших в южноуральских степях и известных нам под собирательным именем сармат».

⁸ См.: Кузеев, 1974, с. 411–413; 420 и сл.

Вторым слагающим компонентом турбаслинской культуры автор видит носителей каунчинской культуры Средней Азии, которым, как и турбаслинцам, были известны плоскодонная керамика и подкурганый обряд захоронения. «Если намечаемые сейчас генетические связи культуры турбаслинцев окажутся верными, то их можно будет рассматривать как потомков южноуральских кочевников (сармат), с одной стороны, и выходцев из степей Средней Азии (саков) – с другой» (Мажитов, 1981, с. 24 и сл.). Генетические корни бахмутинской культуры автор видит главным образом в культуре местных оседлых племен пьяноборской культуры, но соглашается с «вполне вероятным предположением» В.Ф. Генинга о приходе в Приуралье части южносибирского населения и участии его в формировании бахмутинской культуры. Кара-якуповская культура, в которую Н.А. Мажитов «с некоторыми оговорками» объединяет памятники с керамикой кушнаренковского и кара-якуповского типов и носители которой «появляются в Западном Приуралье внезапно, где-то на рубеже VII–VIII вв.», сыграла, по его мнению, важную роль в этнической истории края. Что касается ее этнической интерпретации, то здесь автор только ссылается на мнение своих коллег о южносибирском происхождении носителей кушнаренковской и кара-якуповской керамики (там же, с. 27–28).

Основным, археологически фиксируемым этнокультурным явлением для IX–X вв. на Южном Урале было, по мнению Н.А. Мажитова, «почти полное исчезновение разницы между кара-якуповской и кушнаренковской керамикой, отчетливо проявлявшей-

ся в более раннее время. Этот факт свидетельствует, очевидно, о слиянии двух культур или, во всяком случае, о стирании грани между ними» (Мажитов, 1981 а, с. 81). А поскольку для IX–X вв. известны уже первые письменные упоминания о башкирах, следует вполне естественный вывод о том, «что известные сейчас археологические памятники Южного Урала IX–X вв. принадлежали различным группам башкирских племен», генетически восходящим к носителям предшествующих турбаслинской и «ранней кара-якуповской» (кушнаренковской. – В.И.) культур. Но, как было отмечено выше, автор согласился с выводами исследователей о южносибирском происхождении носителей последней культуры, а потому он делает логический вывод о том, **«что ранние этапы истории башкир IX–X вв. связаны не с Южным Уралом, а с южносибирскими и южными (Казахстан, Средняя Азия) степями** (выделено мной. – В.И.). Пока остается неясным, были ли все эти племена тюрками по происхождению. В литературе имеются суждения о том, что кара-якуповские племена, в том числе носители кушнаренковской керамики, по происхождению были самодийцами или уграми». Далее Н.А. Мажитов подтверждает свое отрицание присутствия в этнической карте Южного Урала угорского (древнемадьярского) элемента, повторив свой тезис о тюркской этнической доминанте в регионе: «В то же время **широкое распространение поясных ремней тюркского стиля и перечисленные нами выше сведения письменных источников** (выделено мной. – В.И.) свидетельствуют, что в южноуральском населении того вре-

мени преобладали тюркские элементы» (Мажитов, 1981 а, с. 82).

Затем последовали долгие годы своеобразной «публикационной дуэли» между Н.А. Мажитовым и автором этих строк, основной целью которой была реконструкция этнических процессов и этнической карты Южного Урала в эпоху средневековья. Излагать ее подробно не имеет смысла – это тема отдельной историографической статьи. Достаточно сравнить две докторских диссертации – Н.А. Мажитова и автора настоящей статьи, защищенные с интервалом в четыре года, по одному и тому же периоду, на одном и том же материале, проанализированном с помощью совершенно разных методических приемов и интерпретированном диаметрально противоположно (Мажитов, 1986; Иванов, 1990).

Кульминацией этой «дуэли» явились две книги, вышедшие в один и тот же год (Мажитов, Султанова, 2009; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009). В одной из них (Мажитов, Султанова) вся финно-угорская проблематика сведена к декларативному тезису о том, что кто бы⁹, когда бы ни приходил на территорию Южного Урала, все они поголовно ассимилировали местных финно-угров, образуя смешанное (?) в культурном и этническом отношении население, сыгравшее важную роль (естественно!) в формировании этноса и культуры башкир. Авторы второй монографии на результатах сравнительно-типологического статистического анализа керамических и погребальных комплексов эпохи раннего железного века – средневековья показывают решающую роль носителей

⁹ А эти «кто бы» естественно, были тюрки.

угорского этноса на определенных этапах этнической истории региона.

Многолетнее концептуальное противостояние Н.А. Мажитова и автора этих строк в понимании и оценке этнокультурных процессов в регионе в эпоху средневековья привело последнего к осознанию того факта, что автор и его *vis-a-vis* дискутируют на разных языках. И если первый старается вести дискуссию на языке современной науки¹⁰, то его оппонент упорно изъясняется на «церковно-славянском», некогда языке высокой культуры, ныне ставшим узкоспециализированным анахронизмом. Дискуссия в подобном формате смысла не имеет, о чем я и заявил в одной из своих публикаций последних лет (Иванов, 2011, с. 261).

Называя вещи своими именами, приходится констатировать: в настоящее время финно-угорская тематика в археологии Башкортостана «зависла» и не пользуется популярностью у археологов Уфы и республики в целом. А.Х. Пшеничнюк – один из зачинателей изучения древних финнов и угров Приуралья – полностью переключился на археологию ранних кочевников¹¹ и весьма в ней преуспел. Своими исследованиями 1970–1980-х годов он не только поднял на качественно новый уровень изучение памятников савромато-сарматского периода на Южном Урале, но и фактически создал в регионе школу археологов «сарматоведов».

¹⁰ Здесь я позволю себе некоторую аллегорю.

¹¹ Начиная с 1971 г. – года начала разработки научно-исследовательской темы «Этнокультурный состав населения Южного Урала в эпоху бронзы и раннего железа» (НА УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 329).

Практически сразу же после защиты кандидатской диссертации на тему «Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры» в 1998 году отошел от этой темы Г.Н. Гарустович (Гарустович, 1998). В своей диссертации и предшествующих ей статьях автор аргументированно и убедительно обосновывает угорскую этнокультурную принадлежность носителей чияликской культуры – основного предмета его диссертационного исследования – и считает их потомков одним из важнейших компонентов формирования этнического облика древних башкир (там же, с. 24). Правда, если учесть, что первая половина II тыс. н.э. – это время, для которого средневековые письменные источники вполне определенно повествуют о приуральских башкирах, то после сказанного «А» мы вправе были бы ожидать от Г.Н. Гарустовича и «Б», то есть освещения роли угров-«чияликцев» в формировании этнического облика древних башкир. Тем более что по схеме Н.А. Мажитова все племена, кто когда-либо ни жил в Приуралье, начиная едва ли не с эпохи раннего железного века, поголовно ассимилировались приходившими из степи различными ответвлениями древнетюркского этноса. По логике названного автора, в X–XIV вв. (время существования чияликской культуры) в регионе древнебашкирский этнос уже сложился. Следовательно, «чияликцы» (угры) уже были башкирами? Или средневековые авторы, начиная с Ибн Фадлана, башкирами называли приуральских угров?

После серии работ середины 1990-х годов фактически отошел от рассматриваемой темы М.Ф. Обыденнов,

по сути, установивший нижний хронологический горизонт древнеугорской ойкумены (межовская культура) в Приуралье (Обыденнов, Шорин, 1995; Обыденнов, 1997; 1998).

Аналогичным образом, но для эпохи раннего железного века, интерпретирует памятники т.н. «айского типа» в Месягутовской лесостепи Н.С. Савельев как крайний западный вариант саргатской историко-культурной общности (Савельев, 2007, с. 186).

Таким образом, выстраивая имеющиеся этнокультурные построения коллег в соответствии с существующей периодизацией древней и средневековой истории населения Южного Урала и Приуралья, мы получаем схему устойчивого присутствия, а периодами и выраженной доминанты носителей угорского и финно-пермского этносов в регионе.

I – эпоха позднего бронзового века – повсеместное распространение в Нижнем и Среднем Прикамье, Приуралье носителей межовской культуры;

II – эпоха раннего железа – «саргатцы» в Месягутовской лесостепи, на правобережье среднего течения р. Белой – «кара-абызцы», сформировавшиеся в результате переселения сюда «волжских ананьинцев» (носителей ахмыловской/акозинской культур – волжских финнов), слившихся с пришедшим сюда же из-за Урала населением с керамикой «гафурийского типа», своими корнями восходящим к культуре саргатско-гороховского (угорского) этнокультурного массива (Пшеничнюк, 1988, с. 5–9); в Среднем Прикамье и примыкающих к нему низовьях р. Белой – «ананьинцы» с «классической шнуровой» керамикой, принесенной переселенцами из Северного Приуралья и Верхнего При-

камня, а после них – «пьяноборцы» как результат возвратного переселения сюда части кара-абызского населения, испытавшего давление со стороны сарматов, начавших прибираться к своим рукам медистые месторождения западных предгорий Южного Урала (Савельев, Яблонский, 2012).

III – эпоха Великого переселения народов – формирование на пьяноборской этнокультурной основе (восточные финны) мазунинской/бахмутинской культуры в Южном Предуралье (Камско-Бельско-Уфимское междуречье) и гляденовской культуры – на основе позднего «шнурового ананьина» в Среднем Прикамье (Иванов, 2009, с. 61–68).

IV – вторая половина I – первая половина II тыс. н.э. – этнокультурная доминанта в Прикамье и Приуралье носителей угорского этноса (неволинская, ломоватовская, кушнаренковская, кара-якуповская, постпетрогромская/чияликская культуры), в Волго-Вятском регионе – восточнофинского и финно-пермского этносов (чумойтинская, кочергинская, чепецкая культуры (Иванова, 2007, с. 249).

Таким образом, выстраивается вполне логичная, базирующаяся на результатах этнокультурной интерпретации имеющегося археологического материала схема, основным содержанием которой является стабильное присутствие в этнической карте Прикамско-Приуральского региона угров и финно-пермяков¹².

¹² Даже Н.А. Мажитов – сейчас яростный противник концепции угорского присутствия на Южном Урале – в своих ранних работах весьма настойчиво проводил идею этнического тождества «бахмутинцев» и древних угров-мадьяр. За что был критикуем коллегами (Протокол № 3 засе-

В развернутом и дополненном виде эта схема была изложена в монографии А.Н. Белавина, Н.Б. Крыласовой и автора данной статьи, вышедшей в 2009 г. (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009). К нашему вящему удивлению, ответом на нее было гробовое молчание со стороны башкирских коллег, чьи идеи, собственно говоря, и были нами развиты¹³. Можно, конечно, удовлетвориться формулой, что «молчание – знак согласия». Однако выход в свет первого тома «Истории башкирского народа» (История, 2009), через содержание которого «красной нитью» проходит идея о непрременном участии носителей всех без исключения археологических культур, известных на Южном Урале, начиная с эпохи бронзового века (их связь с каким-либо этносом авторы тома предусмотрительно обходят), в формировании этнического облика древних башкир, невольно вызывает ассоциации с «молчанием ягнят». И действительно: ведь ФАКТИЧЕСКИ авторы первого тома поддерживают идею Н.А. Мажитова о перманентной ассимиляции пришлым (тюркским, по Н.А. Мажитову) элементом местного приуральского населения¹⁴. Следова-

дания сектора археологии, этнографии и искусств ИИЯЛ БФ АН СССР от 19 февраля 1963 г. См.: НА УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 234; Протокол № 2 заседания Сектора археологии и этнографии УИИЯЛ АН СССР от 1 февраля 1966 г. НА УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 1, № 273).

¹³ Единственный, кто изъявил желание отозваться на данную монографию (на страницах, кстати, *Finnno-Ugrica*), был Г.Н. Гарустович, позже по непонятным и не объясненным причинам почему-то отказавшийся от своего намерения.

¹⁴ Мне очень трудно поверить в то, что М.Ф. Обыденнов, А.Х. Пшеничнюк,

тельно, вывод напрашивается один: финно-угорская археология, с которой, собственно говоря, в середине прошлого столетия и началась академическая археология в Башкирии, в археологической науке современного Башкортостана занимает какое-то вспомогательное место, создавая некий фон для главного – обоснования незыблемой автохтонности древних башкир. Этноса тюркского и для Южноуральского региона далеко не автохтонного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеев Б.Б.* Локальные варианты пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1976. – С. 5–8.
2. *Агеев Б.Б.* К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1976а. – С. 9–12.
3. *Агеев Б.Б.* Погребальный обряд племен Западного Приуралья в эпоху раннего железа (реконструкция общественного строя финно-угорского населения на рубеже н.э.) // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ, 1979. – С. 32–36.
4. *Агеев Б.Б.* Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1981. – С. 101–109.
5. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1983. – 18 с.
6. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1992. – 139 с.
7. Археологическая карта Башкирии. – М.: Наука, 1977. – 262 с.
8. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: БГПУ, 2009. – 285 с.
9. *Гарустович Г.Н.* Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Уфа, 1998. – 27 с.
10. *Иванов В.А.* Памятники типа курмантау и сложение ананьинской общности на территории Башкирии // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: КГПИ, 1976. – С. 38–44.
11. *Иванов В.А.* О роли племен Зауралья и Поволжья в сложении населения Башкирии эпохи раннего ананьина // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа (препринты докладов и сообщений). – Уфа: БФАН, 1976а. – С. 30–32.

Ю.А. Морозов, В.В. Овсянников, Н.С. Савельев, В.К. Федоров, С.Э. Зубов, Е.А. Круглов, С.Г. Боталов и другие авторы настолько наивны, что искренне верят в одинаково поголовное участие приуральских индо-европейцев (срубная культура, сарматы), угров («межовцы», «ананьинцы», «гафурийцы»), восточных финнов («караабызцы», «пьяноборцы») в формировании древнебашкирского этноса. Но даже если они в это и верят, сама логика написания подобных исследований требует, чтобы подобные заключения иллюстрировались конкретным материалом, а не просто декларировались.

12. *Иванов В.А.* Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: КГПИ, 1977. – С. 94–102.
13. *Иванов В.А.* Население Нижней и Средней реки Белой в ананьинскую эпоху. Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1978. – 27 с.
14. *Иванов В.А.* Этнокультурные процессы на Южном Урале и в Приуралье в VII–XIV вв. Автореф. дис... докт. ист. наук. – М., 1990. – 45 с.
15. *Иванов В.А.* Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. VI. – Пермь: ПГПУ, 2009. – С. 61–68.
16. *Иванов В.А.* Современная мифология ранних этапов этногенеза башкир // Актуальные проблемы исторической науки. Сборник научных трудов первых международных Усмановских чтений. – Уфа: Гилем, 2011. – С. 257–261.
17. *Иванова М.Г.* Эпоха развитого Средневековья (конец IX–XIII в.) // История Удмуртии. С древнейших времен до XV века. – Ижевск: Удм. ИИЯЛ, 2007. – С. 248–289.
18. История башкирского народа. В семи томах. – Т. I. – М.: Наука, 2009. – 400 с.
19. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – М.: Наука, 1974. – 571 с.
20. *Мажитов Н.А.* Археологические исследования в северных районах Башкирии в 1957 г. / Архив УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 1. – № 224.
21. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 1963. – 26 с.
22. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 161 с.
23. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 262 с.
24. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 23–29. – С. 23–29.
25. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в IX – начале X в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981а. – С. 80–82.
26. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. Автореф. дис... доктора ист. наук. – Новосибирск, 1986. – 53 с.
27. *Мажитов Н.А., Пиеничнюк А.Х.* Камышлы-Тамакский могильник // Археология и этнография Башкирии. – Т. III. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1968. – С. 38–58.
28. *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана. Древность, средневековье. – Уфа: Изд-во «Китап» им. Зайнаб Бишевой, 2009. – 492 с.
29. *Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф.* Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: Уральский университет, 1995. – 196 с.
30. *Обыденнов М.Ф.* У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. – Уфа: Восточный университет, 1997. – 202 с.
31. *Обыденнов М.Ф.* Межовская культура. – Уфа: Изд-во БЭК, 1998. – 116 с.
32. *Пиеничнюк А.Х.* Биктимировский могильник // АЭБ. – Т. II. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1964. – С. 215–231.
33. *Пиеничнюк А.Х.* К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. – Т. II. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1964а. – С. 93–100.

34. *Пиеничниук А.Х.* О периодизации кара-абызских памятников // Ученые записки Пермского государственного университета. – № 148. – Пермь: Пермский университет, 1967. – С. 156–170.
35. *Пиеничниук А.Х.* Работы в центральной и северной Башкирии // АО 1967 года. – М.: Наука, 1968. – С. 107–108.
36. *Пиеничниук А.Х.* Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (Кара-абызская культура). Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1968а. – 19 с.
37. *Пиеничниук А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. – Т. V. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1973. – С. 162–243.
38. *Пиеничниук А.Х.* Шиповский комплекс памятников // Древности Южного Урала. – Уфа: ИИЯЛ БФАН, 1976. – С. 35–131.
39. *Пиеничниук А.Х.* Об угорском компоненте в культурах Приуралья эпохи раннего железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа: ИИЯЛ БНЦ, 1988. – С. 5–9.
40. *Савельев Н.С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. – Уфа: Гилем, 2007. – 256 с.
41. *Савельев Н.С., Яблонский Л.Т.* Степь и лесостепь на начальном этапе ранне-сарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. – Казань: Отечество, 2014. – С. 478–504.
42. *Усманов Х.Ф.* Институту истории, языка и литературы – 50 лет // В научном поиске. К 50-летию Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. – С. 6–35.
43. *Юсупов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР / Научный архив УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – № 310.
44. *Юсупов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник. – Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1959. – С. 58–96.
45. *Юсупов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. Отчет по теме за 1953-1956 гг. / Научный архив УНЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 2. – № 272.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@rambler.ru

FINNO-UGRIC THEMES IN CONTEMPORARY ARCHAEOLOGY OF BASHKORTOSTAN¹⁵

V.A. Ivanov

The history of the Finno-Ugric theme studies in Bashkortostan archaeology starting the mid-20th century to the present is considered in the article. The dynamics of its development (a priority trend in the 1950-70s has been reduced to secondary importance in the early 21st century) is demonstrated. A review of historiography (literature and archival sources) shows that systematic archaeological research in the territory of the Bashkir Autonomous Soviet Republic had started in the 1950s on the sites, which were initially interpreted as Finno- Ugrian

Supported by the RSFH. Project on “The problem of the Ugro-Magyars proto-origin and the Ugrian component in the medieval archaeological cultures of the Cis-Urals.” № 13-11-59007.

ones. The Bakhmutino culture of the early Middle Ages distinguished by N.A. Mazhitov in the '50s was connected by him with the ancient Ugro-Magyars, while the Qara-Abyz culture of the Early Iron Age, singled out by A.Kh. Pshenichnyuk, was attributed by N.A. Mazhitov to the Finno-Ugrians. Thus, in the late-1960s, the Finno-Urgic ethno-cultural dominance during the Early Iron Age to the Middle Ages became generally accepted. In the mid-70s, N.A. Mazhitov proposed a concept of early Turkization of the South Urals (in the mid-1st millennium AD). All the cultures of the 1st millennium AD were correspondingly attributed by him as ancient Bashkir ones. Since then, the polemic between N.A. Mazhitov and the author of the present article concerning the role of the Finns and the Ugrians in the formation of ethnic map of the region has been going on. The author concludes that as a result of this polemic, the interest of Ufa-based archaeologists in the Finno-Urgic themes has reduced and at present occupies just a secondary place in the archaeology of Bashkortostan. At the same time, the interest in the history and archaeology of the early and medieval nomads is growing.

Keywords: archaeology, South Urals region, the Early Iron Age, the Early Middle Ages, the Finno-Permians, the Ugrians, the Ananyino culture, the Qara-Abyz culture, the Bakhmutino culture, the Bashkirs, ethnogenesis.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1976. In *Novye materialy i issledovaniia po istorii i filologii Bashkirii (Recent Materials and Research on the History and Philology of Bashkortostan)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 5–8 (in Russian).
2. Ageev, B. B. 1976. In *Novye materialy i issledovaniia po istorii i filologii Bashkirii (Recent Materials and Research on the History and Philology of Bashkortostan)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 9–12 (in Russian).
3. Ageev, B. B. 1979. In *Voprosy finno-ugrovedeniia: Tezisy dokladov na XVI Vsesoiuznoi konferentsii finno-ugrovedov (Problems of Finno-Urgic Studies. Summaries of Contributions at the 16th All-Union Conference of the Finno-Urgic Studies)*. Syktyvkar: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 32–36 (in Russian).
4. Ageev, B. B. 1981. In *Materialy po khoziaistvu i obshchestvennomu stroiu plemen Iuzhnogo Urala (Materials on the Economy and Social Order of the Southern Urals Tribes)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 101–109 (in Russian).
5. Ageev, B. B. 1983. *P'ianoborskaia kul'tura (voprosy khronologii i obshchestvennogo stroia) (The Pyany Bor Culture: issues of chronology and social system)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
6. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature (in Russian).
7. *Arkheologicheskaiia, karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkiria)*. 1977. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugriic Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

9. Garustovich, G. N. 1998. *Naselenie Volgo-Ural'skoi lesostepi v pervoi polovine II tysiacheletii nashei ery (Population of the Volga-Ural Forest-steppe in the First Half of the II Millennium AD)*. PhD Thesis. Ufa (in Russian).
10. Ivanov, V. A. 1976. In *Problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (Issues of Archaeology of the Volga River region and the Cis-Urals)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 38–44 (in Russian).
11. Ivanov, V. A. 1976. In *Etnokul'turnye svyazi naseleniia Urala i Povolzh'ia s Sibir'iu, Srednei Aziei i Kazakhstanom v epokhu zheleza (preprinty dokladov i soobshchenii) (Ethno-cultural Ties of the Population of the Urals and Volga River Region with Siberia, Central Asia and Kazakhstan during the Iron Age (preprints of papers and communications))*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkirian Branch, 30–32 (in Russian).
12. Ivanov, V. A. 1977. In *Neolit i bronzovyi vek Povolzh'ia i Priural'ia (Neolithic and Bronze Age of Volga and Urals Regions)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 94–102 (in Russian).
13. Ivanov, V. A. 1978. *Naselenie Nizhnei i Srednei reki Beloi v anan'inskiu epokhu (Population of the Lower and Middle Belaya River in the Ananyino era)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
14. Ivanov, V. A. 1990. *Etnokul'turnye protsessy na Iuzhnom Urale i v Priural'e v VII–XIV vv. (Ethno-cultural Processes in the South Urals and the Cis-Urals in the 7th – 14th Centuries)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
15. Ivanov, V. A. 2009. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VI. Perm: Perm State Pedagogical University, 61–68 (in Russian).
16. Ivanov, V. A. 2011. In *Aktual'nye problemy istoricheskoi nauki. Sbornik nauchnykh trudov pervykh mezhdunarodnykh Usmanovskikh chtenii (Actual Problems of Historical Science. Collected Papers of the 1st Usmanov's International Readings)*. Ufa: Gilem, 257–261 (in Russian).
17. Ivanova, M. G. 2007. In *Istoriia Udmurtii. S drevneishikh vremen do XV veka (History of Udmurtia. From ancient times to the 15th century)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language and Literature, 248–289 (in Russian).
18. *Istoriia, bashkirskogo naroda. V semi tomakh (History of the Bashkir people. In seven volumes)* I. 2009. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
19. Kuzeev, R. G. 1974. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda (Origin of Bashkirs)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
20. Mazhitov, N. A. 1957. *Arkheologicheskie issledovaniia v severnykh raionakh Bashkirii v 1957 g. (Archaeological Research in the Northern Regions of Bashkortostan in 1957)*. Arkhiv UNTs RAN. F. 3. Op. 1. № 224 (in Russian).
21. Mazhitov, N. A. 1963. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. PhD Thesis. Ufa (in Russian).
22. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
23. Mazhitov, N. A. 1977. *Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th – 14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
24. Mazhitov, N. A. 1981. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: “Nauka” Publ., 23–29 (in Russian).

25. Mazhitov, N. A. 1981. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 80–82 (in Russian).
26. Mazhitov, N. A. 1986. *Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th – 14th Centuries)*. Doct. Diss. Thesis. Novosibirsk (in Russian).
27. Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 38–58 (in Russian).
28. Mazhitov, N. A., Sultanova, A. N. 2009. *Istoriia Bashkortostana. Drevnost', srednevekov'e (History of Bashkortostan. Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: "Kitap" Publ. named after Zaynab Biisheva (in Russian).
29. Obydenov, M. F., Shorin, A. F. 1995. *Arkheologicheskie kul'tury pozdnego bronzovogo veka drevnikh ural'tsev (chirkaskul'skaia i mezhovskaia kul'tury) (Archaeological Cultures of the Late Bronze Age of Ural (Cherkaskul and Mezhovka Cultures))*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).
30. Obydenov, M. F. 1997. *U istokov ural'skikh narodov: ekonomika, kul'tura, iskusstvo, etnogenez (The Origins of the Uralic Peoples: Economy, Culture, Art, Ethnic Genesis)*. Ufa: Eastern University (in Russian).
31. Obydenov, M. F. 1998. *Mezhovskaia kul'tura (The Mezhovka Culture)*. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).
32. Pshenichniuk, A. Kh. 1964. In *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 215–231 (in Russian).
33. Pshenichniuk, A. Kh. 1964. In *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 93–100 (in Russian).
34. Pshenichniuk, A. Kh. 1967. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 156–170 (in Russian).
35. Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1967 goda (Archaeological Discoveries in 1967)*. Moscow: "Nauka" Publ., 107–108 (in Russian).
36. Pshenichniuk, A. Kh. 1968. *Naselenie tsentral'noi Bashkirii na rubezhe nashei ery (Kara-abyz'skaia kul'tura) (Population of Central Part of Bashkiria at the Turn of Erae (the Kara-Abyz Culture))*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
37. Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 162–243 (in Russian).
38. Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of Southern Ural)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, Institute for History, Language and Literature, 35–131 (in Russian).
39. Pshenichniuk, A. Kh. 1988. In *Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Issues of the Ancient Ugric Peoples in the South Urals)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkir Scientific Center, Institute for History, Language and Literature, 5–9 (in Russian).
40. Savel'ev, N. S. 2007. *Mesiagutovskaia lesostep' v epokhu rannego zheleza (Mesyagutovo Forest-steppe in the Early Iron Age)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
41. Savel'ev, N. S., Iablonskii, L. T. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino:*

Origins, Evolution, Relations, Historical Fate). Kazan: "Otechestvo" Publ., 478–504 (in Russian).

42. Usmanov, Kh. F. 1982. In *V nauchnom poiske. K 50-letiiu Instituta istorii, iazyka i literatury Bashkirskogo filiala AN SSSR (In the Scientific Search: on the 50th anniversary of the Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the Academy of Sciences of the USSR)*. Ufa: "Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 6–35 (in Russian).

43. Yusupov, G. V., s. a. *Drevneishie poseleniia Gafuriiskogo raiona BASSR (The Oldest Settlements in Gafuriyskiy District of Bashkir ASSR)*. Scientific Archives of Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2, no. 310 (in Russian).

44. Yusupov, G. V. 1959. In *Bashkirskii arkheologicheskii sbornik (Bashkir Archaeological Collected Papers)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkir Branch, Institute for History, Language and Literature, 58–96 (in Russian).

45. Yusupov, G. V., s. a. *Drevneishie poseleniia Gafuriiskogo raiona BASSR. Otchet po teme za 1953–1956 gg. (The Oldest Settlements in Gafuriyskiy District of Bashkir ASSR. A report on the subject for the 1953–1956)*. Scientific Archives of Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2, no. 272 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@rambler.ru